

S T U D I A P H I L O L O G I C A

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН
ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ГЕРМЕНЕВТИКА
ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

СБОРНИК 13

Ответственный редактор
Д. С. Менделеева

ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Г 37

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 06-04-16011

Экспертный совет:

*И. Н. Данилевский, И. Г. Добродомов,
В. М. Кириллин, Б. М. Клосс*

Г 37 Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 13 / Ин-т
мировой литературы РАН; Об-во исследователей Древней
Руси; Отв. ред. Д. С. Менделеева. — М.: Знак, 2008. —
880 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0262-7

Сборник включает в себя работы членов московского Общества исследователей Древней Руси, посвященные изучению различных аспектов русской литературы и культуры XI—XVIII веков. Благодаря разнообразной направленности научных интересов авторов сборник создает широкую и объемную картину наблюдений в изучаемой области.

Книга адресована в первую очередь подготовленным читателям — ученым-медиевистам, преподавателям вузов, аспирантам и студентам-филологам, историкам, искусствоведам.

ББК 83.3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0262-7

© Авторы, 2008
© Знак, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Об общемосковском семинаре исследователей Древней Руси.....	9
--	---

МОНОГРАФИИ

М. Ю. Люстров.

Русско-шведские литературные связи в XVII–XVIII вв.	13
<i>От автора</i>	13
I. Литературные контакты	15
I. Литературные соответствия	75
III. Литература и политика	109
IV. Взаимовосприятие народов	160
Приложения	202
Примечания	226

Г. А. Пожидаева.

Азбука демественного пения. Опыт исследования нотации с точки зрения основ музыкальной лексики	273
--	-----

СТАТЬИ

XI–XII века

С. В. Алтатов.

К интерпретации фольклорной составляющей древнерусской бытовой письменности	387
--	-----

А. С. Дёмин.

Сравнение «акы вода» в «Сказании о Борисе и Глебе» и жалостливость Владимира Мономаха	397
---	-----

В. И. Максимов.

Невидимые затмения и фальшивые
солнечные символы (по следам публикаций
А. Л. Никитина и А. Н. Робинсона) 413

Т. Л. Вилкул.

«Литредакция» летописи (о вставках
из Александрии Хронографической
в Киевском своде XII в.) 425

XIII—XVI века

А. В. Кузьмин.

Фамилии, потерявшие княжеский титул
в XIV — первой трети XV в.
(Ч. 2: Порховские, Кузьмины, Сатины-Шонуровы) 447

Г. А. Казимова.

Псалтырные цитаты в «Слове пространном,
излагающем с жалостию нестроения
и безчиния царей и властей последнего
века сего» Максима Грека 495

Г. А. Казимова.

К вопросу о текстологии «Слова пространного»
Максима Грека 523

О. В. Гладкова.

К вопросу об источниках и символическом
подтексте «Повести от жития Петра и Февронии»
Ермолая-Еразма 537

Р. А. Симонов.

Часомерие в ряду отреченных знаний 571

Л. М. Орлова.

«Житие Василия Блаженного» — памятник
древнерусской агиографии XVI века
(Проблемы текстологии и литературной
истории произведения) 601

XVII—XVIII века

Д. С. Менделеева.

В поисках автора «Повести об азовском осадном
сидении донских казаков» 625

<i>О. Б. Хабарова.</i>	
Об одном эпизоде «Жития Юлиании Лазаревской»	641
<i>Т. В. Марелло.</i>	
К вопросу о первоначальной редакции «Сказания о Феодоровской иконе»	645
<i>Ф. С. Капица.</i>	
Фольклорные сюжеты в печатном «Прологе»	673
<i>А. М. Ранчин.</i>	
Традиционное и новое в «Записке о жизни Ивана Неронова»	691
<i>А. С. Дёмин.</i>	
Обманчивость «жития» как художественная идея «Повести о Горе–Злочастии»	701
<i>Н. А. Антропова.</i>	
Рассказы о чудесах в произведениях Аввакума и Епифания как социальный феномен	711
<i>Ю. Д. Рыков.</i>	
Новоприобретенный Владимирский сборник последней четверти XVII в. с краткой летописно-родословной статьей и с кратким «Летописцем старых лет»	753
<i>Л. И. Щёголева.</i>	
Песнь Песней в гимнографии и у А. С. Пушкина: два прочтения одного текста	849
Хроника заседаний Общества исследователей Древней Руси (доклады № 631–675)	871

ОБ ОБЩЕМОСКОВСКОМ СЕМИНАРЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Первое заседание новозаведенного семинара состоялось в ИМЛИ 29 октября 1986 г., почти через два года после смерти в возрасте 84 лет Ольги Александровны Державиной, которая в тот гнетущий период застоя постоянно повторяла: «Не надо сдаваться, надо что-то придумывать», — и время от времени устраивала заседания так называемого «актива», продолжая дело энергичной, но безвременно умершей еще в 1968 г. Веры Дмитриевны Кузьминой.

Новый семинар понадобился из-за острой нужды исследователей в профессиональной аудитории, которой хотя бы устно можно было бы доложить о результатах проводимых работ. Тогда редко что издавалось печатно по «древнерусской» специальности, а на сборе не напишешь. Принципиальным отличием семинара от ставших совсем эпизодическими заседаний преимущественно пединститутских старушек была строгая регулярность — раз в неделю обязательно, ежегодно с середины сентября до середины июня. Регулярность сотворила чудо: оживились «древники» в Москве, от пожилых до молодых. Вначале казалось, что докладчиков на семинаре хватит от силы на несколько месяцев. Но в действительности они в основном не повторялись почти три года.

Помогал семинару его неофициальный характер. Всем желающим не рассылали безликие повестки по почте, которая и работала то из рук вон плохо, а звонили по телефону лично, и звонки эти нередко переходили в длительные беседы. Заседания семинара, как и предшествовавшего «актива», начинались в 6 ч. вечера — после работы, но регулярность этих сборищ вызывала подозрительность тогдашнего начальства ИМЛИ, которое ворчало: «Кто вас знает, чем вы там занимаетесь по вечерам».

Семинар же как бенефис докладчика получился демократическим. Председатель менялся на каждом заседании в зависимости от темы и личности выступающего. Обсуждение, не без юмора, обычно занимало больше времени, чем доклад. Каждый мог на людей посмотреть и себя показать. Возникло нечто вроде общества

взаимной пользы: докладчик, если он не был болезненно самолюбив и эгоцентричен, по реакции аудитории с резкой ясностью осознавал недостатки своей работы, а слушатели быстро оценивали для себя плодотворность методики автора. Аудиторию интересовали не сногшибательные «открытия» самонадеянных любителей древности, а убедительные и проверяемые доказательства причинно-следственных связей, раскрытых серьезными и наблюдательными исследователями, независимо от их званий, должностей и степени авторитетности.

С 1989 г. семинар начал издавать «Герменевтику древнерусской литературы» – толстенькие сборники работ участников, сначала самые дешевенькие, в складчину. В 1991 г. на основе семинара было создано Общество исследователей Древней Руси – специально для получения грантов, и издаваемые книги стали выглядеть гораздо лучше, а семинар стали называть герменевтическим. Как воскликнула одна из участниц семинара: «Это же надо возиться со смыслом произведения!» Так была найдена ниша, отличающая деятельность общемосковского семинара от преобладающей текстологической направленности трудов Санкт-Петербургских «древников».

В 1990-е годы число участников семинара доходило до 300 и даже немного больше, но затем стало неуклонно уменьшаться: мода на древнерусскую литературу и культуру прошла, невыгодно и непочетно оказалось увлекаться наукой, трудности жизни заставили многих заниматься иным – коммерцией, политикой, чиновничьей рутинной или всепоглощающим преподаванием. Некоторые эмигрировали.

И все же семинар пока существует, пожилые уходят, а молодые появляются, свидетельством чего служит очередной выпуск «Герменевтики». А в 2007 г. состоялось 700-е заседание семинара.

А. С. Дёмин

МОНОГРАФИИ

М. Ю. Люстров

**РУССКО-ШВЕДСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ
В XVII—XVIII вв.**

От автора

О популярности шведской литературы в России русские авторы конца XIX — начала XX в. писали как о естественной и обоснованной. В предисловии к русскому изданию «Истории скандинавской литературы» 1894 г. Ф. В. Горна К. Бальмонт отмечал, что «есть нечто, тесно сближающее нас с нашими северными братьями. И русским, и скандинавам в одинаковой степени свойственны те черты, которые делают нашу литературу популярной в Скандинавии, а скандинавскую — в России. Эти черты: широкий размах мысли и чувства, неутолимая жажда героизма, идеалистическая мечтательность, глубокая грусть и горький юмор»¹. В свою очередь отсутствие (в том числе и в России) сведений о шведской литературе в первой половине XIX в. расценивалось современниками как странное и труднообъяснимое: «Как для древних Север оставался постоянно загадкой, являясь в глазах их странною вечного мрака и снегов, так и в новейшее время по какой-то странной игре случая духовная жизнь трех государств Скандинавских также мало известна, скрываясь за литературной производительностью других народов. Быть может, причина такого равнодушия к Скандинавской литературе заключается в самом географическом положении страны»² («Отношение шведской литературы»).

Русские авторы XVIII в. о литературе Швеции говорили мало, сочинения писателей «соседственного» государства переводили нечасто, и при этом, в отличие от авторов XIX в., на этот факт не указывали и о естественном для россиян стремлении познакомиться со шведской литературой не задумывались. Кажется, в XVII—XVIII вв. в России не замечали самого ее существования. В резуль-

тате в современных историко-литературных исследованиях этому периоду отводится роль не заслуживающей особого внимания «предыстории» русско-шведских литературных взаимоотношений: в прелиминарных главах монографий, посвященных русско-шведским литературным контактам рубежа XIX–XX вв., дается краткий обзор произведений русской литературы XVIII в., так или иначе связанных со «шведской» темой, и переводных сочинений по истории древнескандинавской литературы³. Если же автор-историк отмечает, что «вторая половина XVIII в. явилась... начальным периодом в истории русско-шведских литературных связей»⁴, то приведенный материал скорее опровергает, чем подтверждает этот вывод.

Всестороннее исследование русско-шведских литературных отношений в XVIII в. было проведено в книгах Д. М. Шарыпкина «Русская литература в скандинавских странах» (Л., 1975) и особенно «Скандинавская литература в России» (Л., 1980), однако, как выяснилось, многие факты остались за рамками этого «сжатого очерка»⁵.

Наша задача состояла не только в том, чтобы ввести в научный оборот неизвестные или малоизвестные русские и шведские тексты и таким образом расширить раздел «Русско-шведские литературные связи в XVII–XVIII вв.» книг Д. М. Шарыпкина, но и дать ответы на вопросы, не затронутые в этом исследовании или нуждающиеся в дополнительном изучении: существовал ли во второй половине XVII – XVIII в. механизм литературного взаимоотношения двух соседних и, как правило, враждебных друг другу стран; насколько широк круг переведенных в России шведских и соответственно в Швеции – русских литературных сочинений, и чем обуславливался выбор предназначенных для перевода произведений; встречаются ли в литературах обеих стран сходные, не связанные напрямую с процессом общеевропейского литературного развития явления; каким образом в литературах России и Швеции находили отражение факты истории шведско-русских политических взаимоотношений; и, наконец, какие черты «соседственного» народа обращали на себя особое внимание русских и шведских авторов?

При работе над темой привлекались произведения знаменитых шведских и русских писателей и авторов, чье творчество малоизвестно и за границей, и у себя на родине. Огромное количество русских и шведских панегириков (подчас анонимных), не только изданных, но и рукописных, позволяет уловить общее на-

строение «писательской массы» и выявить незаметные на первый взгляд точки соприкосновения русской и шведской литературы во второй половине XVII – XVIII в. Таким образом, была предпринята попытка дать всесторонний анализ русско-шведских литературных взаимоотношений в XVII–XVIII вв. и пополнить ряд книг, посвященных литературным связям России и Швеции с другими европейскими странами⁶.

Исследование проводилось в Москве, Упсале, Санкт-Петербурге и Стокгольме при финансовой поддержке Шведского Института.

Выражаю глубокую благодарность за помощь и ценные советы А. С. Демину, Улле Биргегорд, Маркусу Левитту, Хансу Хеландеру, И. Ю. Виницкому, А. А. Кобринскому.

I. Литературные контакты

В XVII – первой половине XVIII столетия о литературе «соседственного государства» и в Швеции, и в России знали крайне мало; больше того, в представлении шведского автора начала XVII в. одним из доказательств варварства русских являлось отсутствие у них литературы⁷. Вместе с тем военные, политические, культурные взаимоотношения России и Швеции в конце XVII – первой четверти XVIII в. вызывали к жизни некоторые специфические литературные явления, вне всякого сомнения, подтверждающие существование в это время шведско-русских литературных связей. Так, на рубеже XVII–XVIII вв. возникла «шведская поэзия на русском языке».

В настоящее время известны стихотворные произведения знаменитого шведского лингвиста, автора словаря «*Lexicon Slavonicum*» Й. Г. Спарвенфельда, написанные им в 1684, 1697 и 1704 гг., а также обнаруженное нами в библиотеке университета Упсалы напечатанное в 1715 г. стихотворение некоего Е. Л.

Последнее сочинение входит в состав издания, посвященного бракосочетанию принца Гессен-Гассельского Фридриха и сестры Карла XII, шведской принцессы (с 1718 по 1720 гг. королевы) Ульрики Элеоноры и включающего три стихотворения одного автора. Открывает сборник «Радостная песня» по случаю «высоко-радостного бракосочетания», за ней следует «Нижайшее пожелание счастья, кратко с русского переведенное на шведский», представленное русским оригиналом и шведским переводом.

Стихотворение на русском языке, подобно напечатанным русским текстам Спарвенфельда, набрано латиницей:

W` wysokom sem supruzestwe
 Z` Nebesa zelajem
 Wam wsaeko blagopoluczie
 G` was obych blazajem
 Wo serdse Dobrodjeteli
 Jaco Bizer sijaut
 Wysokie Roditeli
 Tu slavu umnozajut
 I jako welikoduschie
 WAM obym jest sobstwenno
 My wsi zdes suszié
 Prosim unizenno
 Wysokoi waschei milosti
 Da by sochranili
 Nas ot wsaekoi propasti
 I my b` pokoino zili⁸.

Примерно половина стихов этого текста написана 3-стопным ямбом с дактилическими и женскими окончаниями, и, таким образом, стихотворение Е. Л. относится к разряду «первых силлаботонических экспериментов» авторов-европейцев, писавших по-русски: переводчика «Артаксерксова действия», Й. Г. Спарвенфельда, Э. Глюка и И. В. Пауса⁹. При этом русское стихотворение шведского автора принадлежит шведской поэтической традиции: перекрестная рифма встречается в шведских, но не в русских стихотворениях XVII – начала XVIII в.¹⁰, а название панегирика «Нижайшее пожелание счастья» («En underdånig Lyck-önskan») как перевод с русского не представлено и является типичным для произведений шведской панегирической поэзии XVII – начала XVIII в. (например, «Нижайшее пожелание счастья великодержавнейшему Королю и Господину Карлу Двенадцатому» (1698) К. Г. Шеблада (Siöblad), или «Пожелание счастья» (1713 г.) Ю. Руниуса).

В свою очередь шведский «краткий перевод» представляет собой семистишие (aabscbb), написан правильным 4-стопным хореем и, таким образом, связан со стихотворением на русском языке лишь общей темой¹¹. В русском подстрочном переводе шведский «краткий перевод» выглядит следующим образом:

Высокая Пара, украшенная всеми Добродетелями,
Мы Вам желаем много Счастья
От ласкового Неба
И чтобы нежность, которая Вас питает,
Могла постоянно светить нам,
Чтобы мы могли в добром мире
Восхвалять Вас все время.

В русско-шведском панегирике «пожелание счастья» новобрачным исходит от неких «нас», которые в русском стихотворении представлены как подданные шведской короны: «мы все здесь сущие». Поскольку оригиналом объявлен русский, а не шведский текст, можно предположить, что автор «En underdånig Lysk-önskan» подразумевал русскоговорящее население Швеции. Однако к середине первого десятилетия XVIII в. Швеция уже не владела территориями, населенными русскими, и попытка создания сочинения, подобного изданной в 1697 г. «Плачевной речи» на погребение короля Карла XI Й. Г. Спарвенфельда, выглядела бы неуместной. В самом стихотворении какие-либо указания на этот счет отсутствуют, но, скорее всего, издание русского стихотворного поздравления (представляющего собой «шведское стихотворение на русском языке») объясняется лишь знакомством автора с этим иностранным языком.

В Швеции начала XVIII в. было не так много людей, способных сочинить стихотворение на русском языке, и их имена хорошо известны. По всей видимости, автором поздравления 1715 г. был Энок Лиллиемарк (1660–1736), участник шведского посольства в Москве в 1684 г., в конце XVII в. переводчик губернатора Ингерманландии, а в 1701–1703 гг. — личный переводчик Карла XII¹². В 1705 г. Лиллиемарк вместе с Юханом Шмедеманом (Schmedeman) занимался дешифровкой писем русских военнопленных (эту службу Лиллиемарк описывает в своих записках 1730 г.¹³) и, в отличие от Спарвенфельда, не смог (или не пожелал) построить с ними отношения: в тех же записках говорится, что от русских он «получал большие дары, состоящие, по большей части, из дерзких слов и покушений на жизнь»¹⁴; в свою очередь Лиллиемарку принадлежит «Краткий анализ русских интриг по поводу различных трактатов» (1708). К моменту издания стихотворений, в 1715 г., Лиллиемарк с русскими уже не общался, служил в Государственном архиве, и, таким образом, его панегирик является стихотворным подношением верноподданного чиновника.